

Да, у клана Цуй из Болина была своя частная гвардия.

Точнее будет сказать, что любой именитый род, внесённый в «Реестр великих семей», имел право на содержание собственных вооружённых отрядов. Это была официально признанная и дозволенная двором личная гвардия, чей статус и привилегии в иерархии мало чем уступали гвардиям принцев и высшей знати. В те времена, когда аристократические дома фактически правили страной, а императорская власть слабела, численность таких отрядов могла даже превышать квоты, установленные для титулованной знати. В периоды своего расцвета гвардия Болина насчитывала до десяти тысяч закалённых в боях воинов.

«Династии сменяют друг друга за столетие, но великие роды стоят тысячелетия». Истинно дальновидные кланы никогда не зарились на трон — они стремились к процветанию, которое длится поколениями, в то время как императоры жаждали лишь вершины власти. А история раз за разом доказывала: верховная власть — сущность капризная и опасная. Путь от заоблачного пика до дорожной пыли часто занимал всего несколько столетий.

Именно в период наивысшего могущества аристократии клан Цуй из Болина раздул свою гвардию до десятитысячного войска. Однако войны и смены династий не щадили никого. Гвардейцы гибли, защищая своих господ, и к моменту великого исхода сто лет назад от десяти полков осталось лишь три.

Один полк — это тысяча мечей. Три полка — три тысячи преданных сердец. Они охраняли клан на всём пути от Болина, через горные перевалы и заставы, но к тому времени, как Цуй ступили на землю Цзянчжоу, их осталось меньше двух полков.

У Фан и Тао Сяоцянь были потомками тех самых воинов, сохранивших верность. В этом поколении именно их выбрали на должности младших командиров гвардии, ответственных за охрану главного поместья.

Это и было главной причиной, по которой Цуй Люй, узнав о пленении Тао Сяоцяня, даже не помыслил бросить его. Напротив, он рискнул собой, чтобы вырвать парня из рук Цю Саньдао.

Семьи У и Тао служили клану Цуй верой и правдой на протяжении столетий. Даже дворецкий Цуй Чэн изначально принадлежал к этой касте воинов — его предки носили фамилию Гуань. Когда численность гвардии при переселении сократилась настолько, что из неё нельзя было собрать даже полный полк, систему реорганизовали: часть воинов перешла в статус потомственных слуг поместья.

Если сказать, что более половины нынешнего населения Хуйцюя — потомки тех самых гвардейцев, это не будет преувеличением. Когда-то на этом месте не было ни души, но Цуй Люй и его предки давали вольную семьям павших защитников, снабжали их деньгами и помогали обустроиться. Люди, чьи отцы и деды проливали кровь за Цуй, не желали возвращаться в разоренные войной родные края. Из благодарности к господам они селились

вокруг поместья, постепенно превращая дикие земли в процветающий уезд.

Слово «гвардия» со временем исчезло из официальных речей и документов. В последние два поколения само существование частной гвардии стало тайной, передаваемой от главы к главе лишь на словах при передаче власти. Семьи У, Тао, а также остатки родов Гуань и Хун смешались с обычными наёмными охранниками, не привлекая внимания и неся свою службу по защите господина.

Покидая Хуйцзюй, Цуй Люй взял с собой У Фана, Тао Сяоцзя и ещё несколько десятков воинов, отобранных Цуй Чэном. Все они были потомственными гвардейцами. Возможно, в искусстве одиночного боя они и уступали такому мастеру, как Цю Саньдао, но в умении сражаться в строю, используя древние тактические построения предков, им не было равных. Разделаться с кучкой спесивых нуворишей для них было парой пустяков.

Именно поэтому Цуй Люй с такой легкостью отправил их помогать Цю Саньдао: он знал, что его люди справятся. Речных бандитов могло быть в десятки раз больше, но в дисциплине и слаженности гвардейцы клана Цуй не уступали регулярной армии.

Частная гвардия для великого дома была тем же, чем Гвардия Нефритового Дракона для императора — зримым воплощением статуса. Даже самый обедневший род не распустил бы частную гвардию, пока у него оставалась хотя бы корка хлеба. Это был последний бастион чести: пока жив господин, жива и его стража.

Новоявленные богачи и знать всей душой жаждали обладать такой силой, но нынешняя династия строго запретила создание новых гвардейских подразделений. Старые патенты признавались, но новые не выдавались. Это делало семьи, сохранившие право на частную гвардию, объектом чёрной зависти и безмерного почтения.

Никто из присутствующих не ожидал, что у этого «разорившегося» представителя клана Цуй окажется законное право на личную армию, расширение которой запрещено указом императора.

«Проклятье!» — пульсировала мысль в головах гостей. Они могли быть сказочно богаты, но их охрана навсегда останется лишь «охранниками». Стоит им нанять чуть больше людей, и их тут же обвинят в подготовке мятежа. А этот старик из захолустья может законно увеличивать или уменьшать своё войско по первому желанию.

И что с того, что его род обеднел? Когда на сцену выходит гвардия, все остальные сразу становятся на голову ниже. Что с того, что у них больше золота? Стоит Цуй Люю захотеть, и он впишет всех бойцов речной банды в реестр своей гвардии. После этого любое нападение на их дома будет считаться не «восстанием черни», а обычной «междоусобной распрей двух домов».

Старые законы смотрели на такие столкновения сквозь пальцы: если в драке между кланами или деревнями гибли люди, виновных часто даже не судили — достаточно было выплатить выкуп за кровь.

Новые законы Данин, конечно, гласили: «око за око, смерть за смерть», но в Цзянчжоу эти указы до сих пор воспринимались как нечто далёкое и необязательное. Местные власти саботировали реформы столицы, что и привело сюда инспектора с проверкой.

Главы кланов почувствовали, как по спинам струится холодный пот. Спеси поубавилось. Они поняли, что совершили роковую ошибку, не разузнав о Цуй Люе побольше. Теперь они оказались в ловушке, лишённые пространства для маневра.

В шатре воцарилась такая тишина, что было слышно жужжание мухи. После слов Цуй Люя никто не смел подать голоса.

Би Хэн, щурясь, переводил взгляд с одного на другого. Его хитрая физиономия так и светилась желанием выкинуть какую-нибудь пакость. Заметив бравого Тао Сяоцяня, он ехидно поддакнул:

— Ох, беда... Ваш господин, кажется, решил забить курицу, чтобы достойно встретить гостей.

Намек был прозрачнее воды: убить курицу, чтобы напугать обезьян!

Тао Сяоцянь всё ещё пребывал в восторге от своего нового оружия — великолепного северного клинка, найденного в тайниках вожаков банды. Эта сталь была «импортной», выкованной по секретным технологиям, о которых в Цзянчжоу не слышали уже сто лет. Куда там старым зазубренным мечам дедов! Когда клинок в ножнах на его поясе издавал едва слышный звон при ходьбе, сердце парня наполнялось ликованием. Поэтому его голос, когда он вошёл в шатёр, прозвучал так громко, будто он вызывал врага на смертный бой.

Сегодня он впервые по-настоящему почувствовал гордость гвардейца. Теперь он не просто «охранник Тао Сяоцянь», а воин в одиннадцатом колене, наследник славы буцьюй. Наконец-то настало время, когда он может громко заявить о своём имени!

Выпрямив спину, Тао Сяоцянь старался выглядеть максимально сурово, хотя глаза его так и искрились задором. Положив руку на рукоять нового меча, он обвел присутствующих надменным взглядом, словно выискивая цель. Всем своим видом он показывал: стоит кому-то из этих господ перебить его хозяина или сказать лишнее — и голова мгновенно слетит с плеч.

Присутствующие за столом невольно втянули головы в плечи.

Они знали, что это будет «Пир в Хунмэне», засада, но не ожидали, что плаха уже приготовлена. Этот молодой воин выглядел настолько внушительно и уверенно, что мощь гвардии клана Цуй в их воображении выросла до небес.

Цуй Люй, сохраняя внешнее спокойствие, втайне вздохнул.

«Надо было оставить при себе У Фана, а этого сорвиголову отправить к Ли Янь... Машет своим мечом, нагоняя страх на всех вокруг. Лишь бы дело не закончилось резнёй, которую я не смогу остановить».

На самом деле он не собирался никого убивать. Это Би Хэн мечтал одним махом разделаться со всеми «старыми лисами» Цзянчжоу. Но Цуй Люй понимал: нельзя. По крайней мере, сейчас. Расположение причалов для больших судов, секретные маршруты по соляным приискам — всё это было в руках этих людей. Если их уничтожить, финансовые потоки Цзянчжоу иссякнут. А что тогда скажет императорский двор, лишившись налогов?

Нельзя забивать курицу, которая несёт золотые яйца. По крайней мере, пока не найдёшь другую.

Цуй Люй бросил строгий взгляд на своего излишне ретивого гвардейца. Тао Сяоцян был самым младшим в роду Тао, и по старой традиции Цуй Люй поручил У Фану обучать его правилам службы. Когда Цуй Люй отойдёт от дел, У Фан передаст управление охраной Тао Сяоцяню, и тот будет защищать следующего главу. А на смену им в поместье придут новые юноши из родов У, Хун или Гуань.

Тао Сяоцян просто сиял от счастья. Впервые применив свои навыки на деле, он осознал, что рассказы дедов о былом величии клана — не сказки, а чистая правда.

Каково это — с самого детства впитывать тайные знания, о которых никто не смеет догадываться? Давать клятву молчания под угрозой смерти, тренироваться по ночам в пещерах горы Юньян, а днем притворяться обычным слугой... Это одиночество и вечные сомнения могли бы свести с ума любого, если бы Тао Сяоцян не обладал таким легким нравом.

Когда мощь клана угасает, его гвардия уходит в тень. Те, чья воля была слаба, со временем оставляли службу, растворяясь среди простых людей — кто-то уходил в крестьяне, кто-то в наёмники. Лишь три-пять семей смогли сберечь верность и донести свой кодекс до нынешних дней.

Некогда великое войско таяло на глазах: часть погибла в стычках с пиратами при заселении, часть — при защите границ поместья. Много крови было пролито в спорах за воду и землю с местными бандами. К тому времени, когда жизнь клана наконец вошла в мирное русло, от двух полков осталось меньше половины одного.

Переселение было похоже на полное очищение крови через боль. В открытых сражениях воины Цуй доказывали своё право на жизнь, а в тихих схватках с местными заправилками и бандитами они крепили свою власть. Без этой жестокой силы чужаков никогда бы не приняли на этой земле. Только страхом и мечом предки Цуй Люя смогли защитить стариков и детей. Тот первый глава клана, прибывший в Хуйцую, на себе прочувствовал, как былая слава обращается в прах.

Боль от потери былого величия так и не оставила его. Спустя всего полгода после того, как дом

был достроен, он передал власть и ушёл из жизни.

С тех пор клан Цуй из Болина существовал почти столетие, опираясь на горстку верных людей. К тому времени, когда власть принял Цуй Люй, от гвардии осталось чуть больше сотни человек. Чтобы защитить поместье, ему пришлось нанимать обычных охранников со стороны.

Так что на самом деле от былой славы Болина остался лишь номер в реестре да старые записи. Цуй Люй это знал. Цуй Чэн, стоящий у входа, это знал. Даже Би Хэн догадывался о реальном положении дел.

Но гости этого не знали.

Глядя на свирепый вид Тао Сяоцян, они были уверены, что у Цуй Люя под рукой не меньше тысячи отборных бойцов. Им и в голову не могло прийти, что этот «генерал» командует лишь десятком человек и даже не сможет полностью окружить этот шатёр, если дело дойдёт до драки.

Но молодость и отвага творят чудеса — парень выглядел так, будто за его спиной стоит легион.

Би Хэн продолжал нагнетать атмосферу, и Цуй Люю пришлось вмешаться, чтобы не дать инспектору окончательно сорваться с цепи:

— Пусть накрывают столы. Господин генерал-губернатор изволит желать курицы — пусть забьют побольше.

Тао Сяоцян хищно прищурился, поглядывая на шею гостей. Он хоть и был простоват, но грамоте обучен — понимал, к чему клонит хозяин. Предвкушение схватки заставило его кровь бурлить.

— Слушаюсь, господин! Велю зарезать побольше... чтобы порадовать почтенных господ!

Цуй Юй, сидевший в углу с кистью в руках, окончательно опешил. Он смотрел на Тао Сяоцян и не узнавал парня, с которым вырос. Еще недавно тот плакал от укуса дворовой собаки, а теперь смотрит на людей как на дичь.

Цуй Юй понял, что ему нужно заново познакомиться не только со своим старшим братом, но и со всей охраной дома.

«Сколько же тайн он еще скрывает? Чем глубже копаю, тем страшнее становится!»

Наконец один из гостей не выдержал. Он вскочил с места, замахав руками:

— Не надо курицы! Не надо... Кхм, глава клана Цуй, господин генерал-губернатор, давайте всё обсудим. Мы же здесь для того, чтобы договориться...

Цуй Люй узнал его — это был тот самый господин Цзян, что якобы происходил из клана Цзян в Хэншуге. Цуй Люй прекрасно знал, что тот род никогда не добирался до Цзянчжоу, и этот выскочка просто набивался в родственники к великим, но сейчас это не имело значения.

С того момента, как имя Болина было произнесено вслух, Цуй Люй стал полноправным хозяином положения. А когда за его спиной встала призрачная мощь гвардии, это место окончательно превратилось в его личную арену.

Не успел господин Цзян закончить, как его перебил другой гость — тот, что называл себя главой рода Юэ из Яопина. Его тон был резким и вызывающим:

— Господин Цуй, Хуйцзой — место глухое, но не отрезанное от мира. Вы должны знать, за что Великий император стер с лица земли прежнюю «великую пятёрку». Как вы смеете так открыто нарушать закон и содержать частную гвардию? Господин генерал-губернатор, вы — официальное лицо! Неужели ваша дружба с Цуй Люем выше закона?

«Ну вот, полезли шуты», — подумал Цуй Люй.

Этот Юэ пытался примазаться к знатному роду из Яопина. На самом деле их семья была лишь приживалами у одного из павших кланов. Они перебрались в Цзянчжоу вслед за своими господами. Именно поэтому Юэ знал о частных гвардиях больше остальных. Сейчас он просто пытался прощупать Цуй Люя, надеясь понять, блефует тот или нет.

Би Хэн не стал уваливать от ответа:

— Господин Юэ, закон — вещь тонкая. Всё зависит от того, о каком именно законе мы говорим. Особенности этих мест вам известны не хуже моего. Нарушение закона? Это зависит от того, какой параграф вы выберете. Вы правы, мы с господином Цуем — старые друзья, и я не скрываю своих симпатий. Если я заявлю, что не собираюсь его покрывать, вы ведь мне всё равно не поверите, не так ли?

Он развел руками с самым невинным видом и повернулся к Цуй Люю, словно шепча ему на ухо, но так, чтобы слышали все:

— Люй-цин, сколько там частных воинов было у тех пяти семей? Даже если не считать законную гвардию, сколько они набрали сверх нормы? Такое количество вооруженных людей — это уже чистый мятеж. Великий император имел полное право их уничтожить, разве нет?

Круглый стол был невелик — все десять человек сидели на расстоянии вытянутой руки. Вопросы Би Хэна, заданные нарочито громко, заставили всех, кроме Цуй Люя, побледнеть как

полотно.

Цуй Люй посмотрел на ехидно улыбающегося инспектора и подыграл ему:

— Официально у каждого дома было от тридцати до пятидесяти тысяч человек. А в тайне, под видом морских разбойников, они содержали еще около ста тысяч. Они терроризировали водные пути между Баочуанем и Цзиннанем, открыто бросая вызов имперской армии.

Великий император и так был в ярости от того, как сложно пересечь реку, а эти господа, уповая на неприступность Цзянчжоу, продолжали его дразнить. Но в ту зиму ударили небывалые морозы. Река сковала льдом, и император, соединив суда в сплошной мост, переправил войска. Это случилось как раз тогда, когда в Цзянчжоу вовсю готовились к празднику середины зимы.

Те, кто сидел сейчас за столом, были лишь «мелкой рыбешкой», которой удалось ускользнуть в тот раз. Если бы у императора тогда было больше людей, они бы никогда не успели сбежать на своих кораблях. Именно тот урок научил их: «С чиновником спорь словом, но не смей браться за оружие».

Император и его наследники могли пойти на уступки в вопросах управления или налогов, пока народ не доведен до крайности. Но была одна черта, которую нельзя было переступить — создание собственных армий. Любое поместье, любая охрана должны были строго соответствовать нормам. Те, кто нарушал это правило, заканчивал как «великая пятёрка».

Поэтому все эти годы выжившие нувориши старались, чтобы их стража соответствовала столичным стандартам для обычных дворян. О том же, что скрывалось в подвалах и на тайных складах, никто никогда не говорил вслух.

Все играли в молчанку, ожидая, у кого первого сдадут нервы.

По старым законам, гвардия Цуй Люя была абсолютно легальной. Если бы он приказал перебить всех здесь присутствующих, это сошло бы за «семейную распрю». Они бы умерли ни за что, и никто бы не стал их защищать. Напротив, многие втайне бы только порадовались.

Когда эта мысль окончательно оформилась в их головах, те, кто поумнее (например, господин Юэ), начали осторожно подталкивать Би Хэна к тому, чтобы он гарантировал им безопасность.

Но Би Хэн и не думал идти на встречу. Он открыто встал на сторону Цуй Люя. Даже угроза жалоб в столицу на «нечестного чиновника» не заставила его дать им хоть какое-то обещание. Это окончательно сбило их с толку.

Что происходит? Неужели сегодня их действительно решили пустить под нож?

Господин Юэ, не желая сдаваться, в упор посмотрел на Цуй Люя:

— Глава клана Цуй, в новых законах, что продвигает двор, есть важный пункт: за убийство полагается смерть, невзирая на чины. Даже если ваша гвардия законна, пролив нашу кровь, вы ответите по всей строгости имперского права.

Цуй Люй вскинул брови. Он внезапно подался вперед, нависая над столом. Его аура, холодная и давящая, заполнила пространство:

— Господин Юэ, не поздно ли вы вспомнили о новых законах? Когда вам удобно — вы поминаете Чжун Уянь, а когда нет — Ся Инчунь. Не находите это смешным? Получается, что и старые, и новые законы должны служить только вашим интересам?

Он выпрямился и легко постучал пальцами по столу:

— Хорошо. Давайте тогда разберемся с этими законами раз и навсегда. Будем ли мы судить по моему праву — праву древнего рода? Или по новым указам императора? Раз уж мы все здесь собрались, лучше прояснить всё сейчас. Негоже, чтобы господин генерал-губернатор вернулся в столицу с пустыми руками после ревизии в Цзянчжоу, не так ли?

Би Хэн задрал голову, в его глазах блеснула непрошенная влага:

— Люй-цин... познакомиться с тобой — величайшая удача в моей жизни!

«Надо же, даже в такой момент думает о моей карьере!»

Настоящий брат! Навек!

Цуй Люй не обратил внимания на его сентиментальность. Главным достоинством Би Хэна было то, что он никогда не соревновался с Цуй Люем в значимости. Любой другой на его месте, будучи так нагло проигнорированным гостями, уже затаил бы обиду. Но Би Хэну было всё равно. Он не обращал внимания на то, кто сидит во главе стола, и это окончательно разрушило планы гостей по внесению разлада между ними.

Новые законы гласили: частная гвардия может состоять только из членов семьи или потомственных слуг, её нельзя расширять за счёт вольных людей. Старые же законы не ограничивали численность частной гвардии и позволяли восполнять потери извне. Именно этим противоречием гости надеялись связать руки Цуй Люю.

Они не знали, сколько воинов в поместье, но были уверены, что здесь, на пристани, у Цуй Люя никого нет. Они решились прийти сюда, только когда их шпионы подтвердили безопасность места. Но если Цуй Люй отбросит приличия и прямо сейчас зачислит всех работяг с пристани в свою частную гвардию... тогда их смерть будет абсолютно «законной» в рамках старого

права.

Новая династия только порадовалась бы, если бы местные кланы перегрызли друг другу глотки.

Но и переходить полностью на новые законы гости не хотели: это означало бы потерю колоссальных прибылей. Жизнь была дорога, но золото — ещё дороже.

Тут в разговор вступил «миротворец» — еще один нувориш, называвший себя выходцем из рода Фэн в Цзянькане. Он выглядел моложе остальных — лет тридцать с небольшим. С самого начала он то и дело потирал живот, явно страдая от тех же странных спазмов. Ещё трое мужчин его возраста — все из «новых» богачей, поднявшихся на морской торговле, — морщились от боли вместе с ним.

Глава рода Фэн произнёс с мрачной решимостью:

— Глава клана Цуй, мы ведь тоже не с голыми руками пришли. Если дойдёт до крайности — сгорим все вместе, и воды реки станут нам общей могилой...

Он перевел дух и продолжил уже более примирительным тоном:

— Давайте говорить начистоту. Мы все понимаем, чего хочет двор. Законы пишутся людьми, и их можно изменить. Вы, господин Цуй, давно живете в Хуйцуюе, вы — наш, местный. Нам бы держаться вместе. Если вы согласитесь, мы готовы выделить вам долю в нашем деле. Пусть мясо варится в одном котле и кормит своих, зачем отдавать всё на сторону... кхм...

Би Хэн округлил глаза, изображая праведный гнев.

— Прекрасно! Просто великолепно! — он рассмеялся от ярости. — Теперь я окончательно понял вашу позицию. Значит, вы костями ляжете, но не отдадите ни гроша в казну? Не желаете помочь императору и облегчить жизнь народу?

Он с силой хлопнул по столу:

— Вы — подданные Данин, живете на богатейших землях, но не думаете о налогах! Не хотите помочь своим братьям в других провинциях, которые пухнут от голода! Вы жаждете только набить свои кошельки и забить кладовые. Вы едите деликатесы, пока другие жуют траву. Где ваше сострадание? Разве мудрецы не учили, что долг благородного мужа — заботиться о Поднебесной? Цзянчжоу — не ваша частная лавочка! Цзянчжоу принадлежит всей империи Данин!

Фэн Чэнъэнь вспыхнул от гнева и, преодолевая боль в животе, вскочил:

— Господин Би, не забывайтесь! Цзянчжоу не всегда был богат. Когда-то это была дикая земля, деревушка на тысячу душ. Где тогда была ваша императорская семья? Почему они не заботились о людях Цзянчжоу, не дарили им свои милости?

Он вытирал холодный пот со лба, но продолжал:

— Это наши предки своими жизнями прокладывали морские пути! Это их трупами устлано дно океана! Тысячи и тысячи людей Цзянчжоу ценой невероятных усилий создали торговые карты. Пока вы там, на материке, грызлись за землю, мы строили флот. Пока у вас полыхали войны и люди умирали от голода, мы бороздили моря, продавая товары. Разве Цзянчжоу получал хоть медяк из вашей казны? Так с какого права вы приходите теперь, когда наступил мир и вам понадобились деньги, и тянете свои руки к нашему добру? Имейте совесть! Мы платим налоги, и этих денег с лихвой хватает на жалованье всем вашим чиновникам! Но вам всё мало, вы хотите прийти и забрать всё? Разве мудрецы не учили, что благородный муж берет богатство честным путём? Это вы называете честью?

Би Хэн в ярости грохнул чашей о стол:

— Повтори, что ты сказал?! С каких это пор сбор налогов с имперских земель стал делом «бесчестным»? Мы, чиновники императора, должны благодарить вас за «щедрость»? Вы решили, что раз ваши предки прожили здесь сотню лет, земля стала вашей собственностью? Может, вы — титулованные князья, а Цзянчжоу — ваш удел? Может, двор не имеет права вмешиваться в ваши дела и собирать налоги? Ты это хочешь сказать?!

Они стояли друг против друга, как два разъяренных петуха. Господин Цзян покрылся холодным потом. Его живот скрутило от боли, но он, как и господин Юэ, старался не подавать виду. Однако при звуках этой перепалки его силы иссякли. Опершись на стол, он болезненно застучал по нему кулаком:

— Тише, тише... Брат Фэн, не горячись. Мы же договаривались... Думай о своём животе...

Фэн Чэнъэнь побледнел. Он понял, что перегнул палку. Открыто заявлять о расколе империи было безумием. Но в глубине души он чувствовал именно это: он не хотел отдавать морскую торговлю двору. Это была жила, которая кормила их всех. Стать из хозяев простыми приказчиками? Никто бы на это не согласился.

Но как быть? На кону не только деньги, но и жизнь. Клинок древнего рода висит над головой. У Цуй Люя есть патент на гвардию, признанный всеми законами. Он может набрать армию из местных работяг, и тогда их дома будут взяты штурмом. Им придется либо бросить всё и бежать, либо договориться здесь и сейчас.

Как же это злило! Они думали, что, признав его аристократом, смогут перетянуть его на свою сторону. А вышло наоборот — они сами дали ему в руки оружие, против которого у них не было защиты.

Они пытались внести разлад, а в итоге сами оказались в капкане.

Никто из них на самом деле не хотел отделения Цзянчжоу — пример «великой пятёрки» был еще слишком свеж. Мысль о том, чтобы упразднить патенты на гвардию, чтобы лишить Цуй Люя силы, промелькнула у них, но никто не посмел её высказать. Это был путь в один конец. Поэтому им оставалось только одно — торговаться о налогах и власти в рамках новых и старых указов.

Цуй Люй сейчас был для них мечом, который уже занесен над их головами.

Все были на пределе. А за пологом шатра всё так же громко раздавался голос Тао Сяоцзяня, который распорядился забоем кур:

— Эту тащи! Сейчас я опробую на ней свой новый клинок...

Раздалось истошное кудаханье, и голос парня зазвучал вновь:

— Ух ты! Настоящее сокровище — ни капли крови на стали, один взмах — и чистая! Какая острота! Ха-ха, тащите еще парочку, надо обмыть мой меч как следует!

В шатре воцарилась гробовая тишина. Каждый вдох стал осторожным.

Цуй Люй тихонько постучал пальцами по столу и обратился к Би Хэну:

— Сядь. Давай поговорим спокойно.

Стоило ему заговорить, как всё внимание снова переключилось на него. Гости внезапно осознали: пока они спорили до хрипоты, лицо этого человека не изменилось ни на йоту. Он вел себя так, будто всё это его не касается. Или, быть может, он с самого начала знал, чем всё закончится?

Цуй Люй слегка повел рукой. Цуй Чэн, стоявший у входа, мгновенно понял знак и велел слугам обновить чай и подать свежие сладости. Когда гости пригубили чай и немного остыли, Цуй Люй заговорил:

— Цзянчжоу веками был оторван от материка. Вы действительно верите, что без военной поддержки сменяющих друг друга династий здесь можно было бы спокойно жить и растить детей? Вы думаете, заморские варвары — глупцы и не хотели бы захватить эти земли? вспомните хотя бы остров Дунсан, что всего в нескольких днях пути отсюда. Сто лет назад они пытались закрепиться здесь через браки с местными. Лишь то, что они были уродливы и не пришлись по нраву нашим людям, да общая неприязнь к чужакам, не дали им здесь обосноваться. Вы думаете, без защиты императорского двора ваши предки могли бы спокойно уходить в море за золотом? Если бы ваш тыл не был защищен мощью империи, как бы вы

строили свои дела? Вы слишком привыкли к покою и принимаете защиту двора как должное. Без этой защиты Цзянчжоу давно перестал бы быть частью нашей культуры.

Так кто же здесь на самом деле «бесчестен»? Кто пользуется благами единства империи, набивая лишь собственные карманы?

Цуй Люй обвел всех тяжелым взглядом. Его голос звучал ровно, но каждое слово ложилось на плечи гостей неподъемным грузом:

— Великие роды стоят тысячу лет, переживая смуты и войны. В летописях, что я читал, нет ни одной династии, которая бы отказалась от этой земли. Даже в самые темные времена, когда аристократы сходили с ума от безделья и снадобий, они находили в себе силы поднять мечи, если враг угрожал Цзянчжоу. Ни одно поколение знати или простых людей не позволяло чужакам глумиться над этой землей. Их жертвенность и преданность нельзя вычеркнуть из истории, как бы ни сменялись власти.

Тишина. В шатре не было слышно ничего, кроме собственного дыхания.

Личные интересы и жадность могут быть сильны, но когда на сцену выходит правда высшего порядка, они рассыпаются в прах. Цуй Люй не стал говорить с ними об их семьях или успехах — это их личное дело. Он заговорил о государстве. О незыблемом праве империи на целостность своих земель. Что бы ни происходило внутри страны, мясо должно оставаться в котле. Они никогда не позволяли чужакам претендовать на свою долю. И именно поэтому Цзянчжоу до сих пор принадлежит им, а не стал колонией заморских варваров.

Это был уровень мышления истинной аристократии, хранившей знания веками. Идея целостности земли была вшита в их плоть и кровь. Куда там местным богачам с их мелкими помыслами, порожденными сиюминутной выгодой! В сравнении с Цуй Люем они выглядели нелепо и жалко.

Цуй Люю не нужно было кричать. Обычным спокойным тоном он обозначил их истинное место и высмеял их эгоизм.

Да, Цзянчжоу разбогател. Но без защиты флота и армии императора они бы никогда не смогли торговать. Даже когда их корабли заходят в чужие порты, флаг империи Данин — их лучший щит. Без него их бы просто вырезали в первом же порту.

«Говорите о чести? А есть ли она у вас?»

Би Хэн почувствовал, как к горлу подкатил комок. Он вскочил и с силой ударил по столу:

— Люй-цин! Брат мой! Раньше я судил о тебе слишком узко. Я и не знал, что твоё сердце так велико, а мысли — так глубоки! Твои слова достойны самого Великого императора. Клянусь,

когда мы закончим здесь, я приложу все силы, чтобы представить тебя ко двору. Твои таланты должны служить империи! Прятаться в глуши Хуйцюя — преступление перед Поднебесной. Наш император жаждет мудрых людей, и ты обязательно найдешь применение своему дару!

Цуй Люй опешил. Ему очень хотелось ответить: «Господин инспектор, у меня нет никаких амбиций. Я хочу лишь покоя для своей семьи».

Но под взглядами всех присутствующих он лишь туманно произнес:

— Брат Би, давай обсудим это позже. Благодарю за доверие.

В глазах гостей же Цуй Люй уже выглядел как будущий высокопоставленный чиновник. С рекомендацией Би Хэна и такими взглядами, которые пришлись бы по душе двору, этот человек был обречен на взлет.

И тут у самых догадливых (например, у господина Юэ) созрел новый план.

«К черту всё! Янь Сю — отработанный материал. Нам всё равно нужен новый глава области, который будет устраивать и нас, и столицу. Если Цуй Люй благодаря Би Хэну пойдет в гору, то пусть лучше он правит нами здесь, в Цзянчжоу. Он станет идеальным посредником между нами и двором. Он справится с этим лучше любого Янь Сю».

С его пониманием государственных интересов и уважением к традициям, они всегда смогут избежать обвинений в мятеже. А торговать под флагом Данин — действительно выгодно и безопасно.

В конце концов, они не хотели ссориться с императором, они просто хотели больше денег.

Главы кланов сбились в кучу, о чем-то перешептываясь и то и дело потирая животы. Эта картина выглядела бы комично, если бы обстановка не была столь серьезной. Би Хэн, всё ещё пребывая в восторге, не сводил глаз с Цуй Люя. Он уже твердо решил: этот талант нельзя оставлять в тени. Тратить время впустую — это грех!

Наконец, совещание закончилось. Вперёд снова вышел самый мягкий из них — господин Цзян. Его тон теперь был предельно смиренным:

— Глава клана Цуй, простите наше невежество и грубость. Если мы сказали что-то не так — не держите зла. У нас есть к вам одна... нижайшая просьба.

Цуй Люй пригубил чай и кивнул, позволяя ему продолжать.

Господин Цзян глубоко вздохнул и низко поклонился:

— Мы просим вас, господин Цуй, стать нашим представителем перед двором. Во-первых, подтвердить нашу преданность императору. Во-вторых, доложить о результатах развития торговли. И в-третьих... обсудить введение новых законов в качестве «эксперимента»...

«Эксперимент» означал возможность торга. Он не сказал об этом прямо, но все поняли. Налоги, законы — всё это можно обсуждать. Если Цуй Люй возьмется за это дело, они готовы к диалогу.

Би Хэн поначалу слушал с одобрением, но постепенно его лицо начало вытягиваться. Он смотрел то на кланяющихся богачей, то на совершенно серьезного Цуй Люя.

«Да они же у меня человека уводят!» — осенило его.

Господин Цзян, желая закрепить успех, склонился еще ниже:

— У вас есть ученая степень цзюйжэня. Мы, старейшины Цзянчжоу, единогласно выдвинем вас как «достойного и неподкупного». А господин инспектор подтвердит это в своём донесении. Мы верим, что император ценит таланты. Господин Цуй, мы искренне просим вас взять на себя управление нашими делами и помочь разрешить все недоразумения с двором. Умоляем, не отказывайте нам!

Цуй Юй и его коллеги-писари замерли. Они смотрели на свои записи, не веря собственным глазам.

Что он сказал?

Единогласное выдвижение... пост при дворе... императорское назначение...

Цуй Юй вскочил, и если бы коллега не подхватил его под локоть, он бы точно свалился со стула.

«О боги! Неужели это правда? Мой брат... Мой старший брат...?!»

Би Хэн наконец обрел дар речи. Он ткнул пальцем в сторону господина Цзяна и остальных, задыхаясь от возмущения:

— Что это значит?! Что вы себе позволяете?!

Он грохнул кулаком по столу, сорвавшись на крик:

— Проклятье! Скажите прямо — чего вы от него хотите?!

Все присутствующие как один склонились перед Цуй Люем в глубоком поклоне:

— Просим главу клана Цуй занять пост в управе Цзянчжоу и взять на себя руководство всеми делами области!

Цуй Юй закатил глаза и от избытка чувств лишился чувств.

Когда-то они сами выдвинули Янь Сю, и двор утвердил его. Теперь они выдвигали Цуй Люя. Если столица поймёт, какую роль он может сыграть в успокоении края, пост главы области ему обеспечен.

Би Хэн замолчал. Он не ожидал такого поворота. Он растерянно посмотрел на Цуй Люя, не зная, смеяться ему или плакать:

— Брат... как же это... как же так вышло?

Цуй Люй тоже замер. Он знал, что его хотят использовать, но не ожидал, что они зайдут так далеко. Неужели они не боятся проиграть всё?

Снова заговорил господин Цзян. Его голос звучал тихо и устало:

— Цзянчжоу должен измениться. Раньше у нас не было возможности, но теперь у нас есть вы, господин Цуй. Поверьте нам. Мы действительно хотим договориться. Мы больше не собираемся водить двор за нос. Господин Цуй, скажу честно: в наших закромах пылятся горы сокровищ и редких трав, но без доступа к рынкам материка они — лишь мусор. Нам нужны рынки по ту сторону реки. Сейчас там наступил мир, люди богатеют, и мы ищем пути к сотрудничеству. Если это принесет выгоду и нам, и империи... разве это не будет великим делом? Мы бы не доверили это никому другому, но вам, господин Цуй, мы верим безусловно. Дайте нам и себе этот шанс, прошу вас!

Десятки глаз с надеждой уставились на Цуй Люя. Тот открыл было рот, закрыл его, и наконец, под общим напряженным ожиданием, тихо вздохнул:

— Я... достоин ли я такой чести?

<http://bllate.org/book/16118/1588168>